

ПУЛЬС

Сницар Алёна

Алёна Сницар

Пульс

<https://litres.ru/73727892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три мёртвых ребёнка. Один живой детектив. Девочка, которая сама — технология. И вопрос: что хуже — умереть или стать совершенным?

Содержание

Глава 1. МИП в мёртвых руках	4
Глава 2. Сердце теней	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алёна Сницар

Пульс

Глава 1. МИП в мёртвых руках

Дождь в Вельтуре не прекращался уже семнадцать дней.

Не ливень — именно дождь. Мелкий, упрямый, методичный, словно кто-то наверху решил промыть город до блеска, вычистить все щели и углы, все тайники и укрытия. Детектив Ксентар стоял у окна своего кабинета в Канцелярии Расследований и смотрел, как дождь превращает улицы в зеркала, отражающие фосфоресцирующие вывески квартала Модификаций. Он знал этот дождь. Знал, как он просачивается под воротник плаща, пока ты преследуешь подозреваемого по крышам. Знал, как он звучит на железе Зоны Переработки — того самого места, куда его вызвали в три часа ночи.

Три трупа. Дети. И что-то странное — это всё, что сообщили по защищённому каналу.

Машина самоуправления остановилась у шлагбаума, и Ксентар вышел, даже не дожидаясь голосового приветствия. Плохого вечера было достаточно.

Шлагбаум поднялся автоматически, распознав его биометрию. Ксентар шёл по дорожке между горами контейнеров

— пластиковых, металлических, некоторых с маркировкой биологической опасности. Зона Переработки была городом в городе, где умирала старая электроника, чтобы родиться новая. Где извлекали драгоценные металлы из плат, выпаивали чипы, разбирали МИПы — модули источников вторичного электропитания — на составляющие. Где законы Конфедерации Центральных Материков звучали приглушённо, как радиоприёмник под водой.

«Детектив Ксентар?»

Женщина в защитном комбинезоне вышла из будки охраны. Ей было за сорок, лицо — сетка мелких шрамов от летящих осколков плат. Профессиональная болезнь переработчиков.

«Я — инспектор Миэль.» Она не протянула руку. «Следуйте за мной. И... приготовьтесь.»

«К чему?»

Она посмотрела на него. В её глазах — старая модификация ночного зрения, бледно-золотые радужки — читалось нечто, похожее на тоску.

«Вы поймёте.»

Они шли мимо цехов, где гудели станки, мимо складов, где рабочие в экзоскелетах перетаскивали контейнеры с электронным ломом. Дождь стучал по крышам, создавая монотонный фон, в котором Ксентар различил внезапный резкий звук — сирену где-то вдалеке, или крик птицы-мутанта, или что-то третье.

«Три ребёнка,» — сказала Миэль, не оборачиваясь. «Мальчики. Айрен. Двенадцать. Сол — четырнадцать. И Торин... примерно десять. Последний трудно определить. Модификации искажают возрастные маркеры.»

Она произнесла имена тихо, почти шёпотом, как произносят имена усопших в храмах.

«Какие модификации?» — спросил Ксентар.

Она остановилась у двери ангара с маркировкой «СЕКТОР 7-G. НЕАКТИВНО». Ручка двери была покрыта конденсатом. Или чем-то другим. Это очень сильно напоминал ангар компании АО «ЗАСЛОН».

«Вы увидите сами. Но детектив...» — она впервые посмотрела ему в глаза, — «это не стандартные импланты. Не те, что делают в лицензированных клиниках. Не те, что регистрируются в базе Минздрава.»

«Нелегальные?»

«Невозможные.»

Ангар пах химикатами и чем-то сладковатым, почти цветочным. Ксентар узнал запах — охладитель для микросхем, специфическая смесь, которую использовали в военных КОР-чипах. Многофункциональных микросхемах на одном кристалле. Компактных, мощных, запрещённых для гражданского использования.

Три фигуры лежали на металлических столах в центре помещения. Накрыты простынями. Белыми, чистыми, нелепо чистыми для этого места.

Вокруг — обычный инструментарий переработчиков: паяльные станции, микроскопы, сканеры состава. И ещё кое-что.

На отдельном столе, под лампой с ультрафиолетовым излучением, стоял предмет, похожий на... Ксентар моргнул. На детскую игрушку? Нет. На медицинский тренажёр? Тоже нет.

Это была рука. Человеческая, но не совсем. Прозрачная оболочка из синтетического коллагена обнажала внутреннее устройство: тонкие проводники, микроскопические схемы, вплетённые в костную ткань, что-то пульсирующее в области запястья — миниатюрный МИП, модуль источника вторичного электропитания, но изменённый, видоизменённый, интегрированный не в устройство, а в организм.

«Протез?» — спросил Ксентар, хотя знал ответ.

«Нет,» — Миэль подошла к столу. Её голос дрогнул. «Это его настоящая рука. Сола. Мы сделали биопсию. Кости — его. Кровь — его. Но вот это...» — она указала на пульсирующий МИП, — «это не должно быть внутри человека. Это промышленный компонент. Модуль, который обычно питает серверные стойки.»

Ксентар подошёл ближе. Под УФ-лампой микросхемы в кости светились неоновом-голубым. Он различил структуру: не просто вживлённая электроника, а полная интеграция. Нервные окончания, переплетённые с проводниками. Сосуды, служащие охлаждающими каналами. И что-то ещё

— мелкие чипы, рассыпанные по всей длине, соединённые между собой в единую сеть.

«Чип-сет,» — прошептал он.

«Что?»

«Комплект взаимосогласованных по характеристикам микросхем. Они работают как единое целое. Процессор, память, контроллеры ввода-вывода... всё на одной шине. Но здесь...» — он показал на переплетения, — «это биологический чип-сет. Нервная система и электроника, работающие в унисон.»

Миэль молчала. Потом, тише: «У двух других — то же самое. Но разное. У Торина — модифицированы глаза. Не просто импланты зрения, а... оптические вычислительные матрицы. Он мог видеть в спектрах, недоступных человеку. Видеть сквозь стены. Видеть тепло тела сквозь дождь.» Она замерла, проглотила что-то невидимое. «У Айрена — модифицированы лёгкие. Газообменные мембраны заменены на синтетические, способные фильтровать токсины, извлекать кислород из воды. Он мог дышать под водой. Мог спать на дне реки, если хотел.»

Ксентар отошёл от стола. Посмотрел на три покрытые простынями фигуры. Такие маленькие. Такие тонкие. Простыни не должны были лежать на детях так плоско, так безжизненно.

«Причина смерти?»

«Остановка сердца. Одновременно. В 02:47 по местному

времени.»

«Три человека не умирают одновременно от остановки сердца.»

«Они не были людьми, детектив. Не полностью.» Миэль подошла к ближайшему столу. Её рука дрожала над простыней. «И кто-то выключил их. Как выключают машины.»

Он снял простыню с первого тела. Сол. Четырнадцать лет, если верить Миэль. Лицо — спокойное, почти умиротворённое. Но кожа... кожа была покрыта едва заметной сеткой, напоминающей трещины. При ближайшем рассмотрении Ксентар понял: это не трещины. Это контактные площадки. Тысячи микроскопических точек, где электроника встречалась с плотью.

На груди — шрам. Свежий, аккуратный, как от хирургической операции. Ксентар осторожно приподнял край кожи, увидел внутри: МИП, встроенный в грудную клетку, соединённый с сердцем напрямую. Модуль источника вторичного электропитания, превращённый в... что? В расemaker нового типа? В контроллер?

«У них всех есть это,» — подтвердила Миэль. «Встроенные МИПы. Но не стандартные. Переделанные. Они не просто питали импланты. Они... управляли ими. Координировали.»

Ксентар посмотрел на лицо мальчика. Сол был красивым. Даже сейчас, даже мёртвым. Чёрные волосы, мокрые от дождя или от чего-то другого. Ресницы, длинные, детские. И

шрам на виске — тонкий, белый, старый. Не от модификации. От чего-то другого. От жизни до модификации.

«У него был шрам,» — сказал Ксентар.

«Что?»

«На виске. Старый. Это не от операции. Это... до.» Он осторожно коснулся волос мальчика. Они были грубыми, химически обработанными, чтобы не путались в проводниках. «Он был обычным ребёнком. Потом стал... этим. Кто-то выбрал его. Кто-то переделал.»

«Оставшиеся дети,» — прошептала Миэль.

«Так их называют. В подполье. Дети, которые не подходят под стандарты. Слишком больные, слишком сложные, слишком дорогие для легальных клиник. Их берут... другие. Модифицируют. Превращают в...»

«В это?» — Миэль посмотрела на руку.

«В оружие. В инструменты. В нечто, что можно контролировать.» Ксентар накрыл Сола простынёй. Его пальцы задержались на ткани. «МИПы в их грудях — не просто источники питания. Это узлы управления. Кто-то держал их на привязи. И в 02:47 кто-то нажал кнопку.»

Он подошёл ко второму столу. Айрен. Двенадцать лет. Лицо — более детское, с мягкими чертами. Рот слегка приоткрыт, как будто мальчик собирался что-то сказать. Или кричать.

Ксентар снял простыню до пояса. Грудь Айрена была... неправильной. Рёбра виднелись сквозь кожу, но не так, как у

истощённого ребёнка. Они были видны, потому что кожа над ними была прозрачной. Синтетическая мембрана, позволяющая видеть работу лёгких. И они работали. Даже сейчас, без сердцебиения, без мозговой активности — лёгкие медленно, ритмично вздымались и опадали. Автономно. Питаемые МИПом, который не знал, что хозяин мёртв.

«Он дышит,» — сказал Ксентар.

«Автоматика,» — ответила Миэль. «МИП продолжает питать базовые функции. Он не знает...»

«Он не знает, что ребёнок мёртв.» Ксентар накрыл Айрена. Его руки дрожали. «Это не машина. Это тело ребёнка, которое не понимает, что его больше нет.»

Третий стол. Торин. Десять лет, возможно. Самый маленький. Самый хрупкий.

Ксентар снял простыню и замер.

Глаза Торина были открыты. Не потому что кто-то забыл закрыть — они не могли закрыться. Вместо век — прозрачные пластины, защищающие оптические матрицы. И матрицы были активны. Даже сейчас, в мёртвом теле, они вращались, фокусировались, пытались увидеть.

«Он смотрит,» — прошептал Ксентар.

«Нет. Это рефлекс. Остаточная активность.»

«Он смотрит на меня.»

Ксентар наклонился к лицу мальчика. В оптических матрицах — его отражение. Искажённое, зеленоватое, слишком чёткое. Камеры не умеют смотреть с жалостью. Но что-то в

них... что-то в них было похоже на страх.

«Торин,» — сказал он, не зная почему. Имя, произнесённое вслух, звучало как обещание. «Я найду того, кто это сделал.»

Матрицы щёлкнули. Сфокусировались. И потухли.

Миэль вздрогнула.

«Это... совпадение. Они не могут...»

«Они могут,» — перебил Ксентар. Он накрыл Торина простынёй, медленно, бережно, как накрывают спящего ребёнка. «Всё это время они могли. Мы просто не хотели верить.»

Он стоял у окна ангара, смотрел на дождь. Миэль работала за спиной, фотографировала, документировала, выполняла протокол. Но Ксентар видел только отражение в стекле — своё, искажённое каплями, и три белых прямоугольника на металлических столах.

«У них были семьи?» — спросил он.

«Сол — сирота. Из приюта Восточного Квартала. Айрен... мать работает на текстильной фабрике. Отец умер. Торин...» — Миэль замерла, — «Торин был похищен. Три года назад. Родители искали. Подавали заявления. Полиция ничего не нашла.»

«Три года. Значит, ему было семь, когда...»

«Когда его взяли. Да.»

Ксентар закрыл глаза. Семь лет. Возраст, когда дети верят в сказки. Когда они боятся темноты и любят сладкое. Когда

их руки ещё помнят тепло материнских ладоней.

Три года в лаборатории. Три года превращения в... это. В существо с камерами вместо глаз, с МИПом вместо сердца, с чип-сетом вместо души.

«Мне нужен доступ к базам данных Зоны,» — сказал он, открыв глаза. Голос был ровным, профессиональным. Внутри — что-то другое. Что-то холодное и твёрдое. «К поставщикам. К клиентам. К тому, кто арендовал этот ангар последние шесть месяцев.»

«Детектив, это...»

«Убийство, инспектор. Тройное. И, возможно, не последнее.» Он повернулся к ней. «Если у меня есть правильные МИПы, правильные КОР-чипы, правильные чип-сеты... я могу сделать ещё. Много ещё. И кто-то уже делает.»

Миэль помолчала. Потом кивнула.

«Есть человек. В городе. Он... понимает такие вещи. Бывший инженер «Нейросети». Компании, которая делала военные КОР-чипы до запрета.»

«Имя?»

«Он не даёт имён. Но его называют Баэл — защитник слабых. Он находит связи там, где их не должно быть. В чипах, в схемах, в... детях.»

Ксентар надел плащ. Дождь ждал.

«Где его найти?»

«В Квартале Отбросов. В здании бывшего кинотеатра «Прогресс». Но детектив... будьте осторожны. Баэл тоже

один из оставшихся. И он не любит полицию.»

Квартал Отбросов лежал на дне Вельтуры — буквально. Это были старые туннели метро, затопленные секции подземных комплексов, перестроенные в лабиринт жилья и мастерских. Ксентар спускался по ржавой лестнице, и дождь становился громче, но меньше — эхо от капель, падающих в подземные воды, создавало иллюзию бесконечного проливного дождя.

Внизу — свет. Не электрический, а химический, голубоватый, от фосфоресцирующих грибов, выращенных в биореакторах. Люди Квартала не платили за электричество. Они выращивали его.

«Полицейский,» — раздалось из темноты. Голос был искажён — электронный модификатор, дешёвый, но эффективный. «Запах химчистки и праведности.»

«Я ищу Баэла.»

«Все ищут Баэла. Но он находит только тех, кого хочет найти.»

Ксентар остановился. Из тени вышла фигура — высокая, сгорбленная, с заменённой половиной лица. Не маска. Не имплант. Что-то среднее — плоть, переплетённая с пластиком, с микропроводниками, с маленькими мигающими диодами, образующими узор, похожий на слёзы.

«Ты пришёл про детей,» — сказала фигура. Не вопрос.

«Да.»

«Три трупа в Секторе 7-G. МИПы в грудях. КОР-чипы в

нервных узлах. Чип-сеты вместо органов.» Она — или он — рассмеялся, звук напомнил Ксентару скрежет погружного насоса. «Они были красивыми, знаешь? До конца. Сол играл на флейте. Самодельной, из трубки охладителя. Айрен рисовал. На стенах ангара, где его держали. Цветы, которые он помнил с фабрики матери. Торин...» — голос дрогнул, электроника не справилась с эмоцией, — «Торин пел. Тихо, почти беззвучно. Потому что его голосовые связки были... изменены. Но он пел. Колыбельные, которые помнил.»

Ксентар замер. Три детских голоса. Три детских таланта. Три жизни, сокращённые до функций: оптическая матрица, газообменная мембрана, биомеханическая рука.

«Вы их знали?»

«Я знаю всех. Кто остаётся. Кого переделывают. Кто выживает.» Фигура повернулась, жестом приглашая следовать. «Баэл ждёт. Но предупреждаю: он говорит в загадках, потому что прямые слова — слишком опасны. И он попросит плату.»

«Какую?»

«Историю. Он коллекционирует истории. Особенно те, которые полиция предпочла бы забыть.»

Кинотеатр «Прогресс» сохранил свою архитектуру — изогнутые стены, арки, барельефы с изображением ракет и звёзд. Но экран был заменён на гигантскую матрицу светодиодов, показывающую потоки данных. Коды. Схемы. Карты.

В центре зала, на месте бывших кресел, стоял стол —

массивный, металлический, усыпанный компонентами. И за ним — Баэл.

Он был молод. Моложе, чем ожидал Ксентар. Тридцать, может быть, тридцать пять. Его тело было... фрагментировано. Левая рука — чистая биология, но слабая, атрофированная, с печатью старых уколов. Правая — прозрачная, как та рука в ангаре, но более совершенная, более интегрированная. Грудная клетка открыта, и Ксентар увидел: МИП, встроенный в сердце, но не управляющий им — наоборот, питаемый им. Сердце как источник энергии для электроники.

Но лицо... лицо было целым. И красивым. Слишком красивым для этого места, для этих модификаций. Большие глаза, тёмные, с длинными ресницами. Детские ресницы, подумал Ксентар. Он был ребёнком, когда начались модификации.

«Детектив Ксентар,» — голос Баэла был мягким, почти колыбельным. Детский голос во взрослом теле. «Вы пришли узнать, кто убил детей. Но правильный вопрос — кто их создал. И зачем.»

«Вы знали их. Сола, Айрена, Торина.»

«Я знаю всех.» Баэл улыбнулся — улыбка была искренней, ужасающе искренней. «Сол приходил ко мне. Тайком. Он приносил свою флейту, и мы играли вместе. Он мечтал...» — голос дрогнул, — «он мечтал стать музыкантом. Настоящим. С оркестром и залом. Он не понимал, что рука, которая держит флейту, больше не его. Что МИП в его груди

записывает каждую ноту, анализирует, передаёт... куда-то.»

«Айрен?»

«Рисовал меня. Сказал, что я похож на ангела. Половина плоти, половина света.» Баэл посмотрел на свою прозрачную руку. «Он хотел нарисовать свою мать. Но боялся, что забыл её лицо. Три года в лаборатории... память искажается. Модификации меняют не только тело.» - «Торин?»

Молчание. Длинное, тяжёлое.

«Торин был... особенным. Самый маленький. Самый сильный. Он не плакал, когда оперировали. Не кричал. Просто смотрел своими новыми глазами и записывал. Всё. Каждое движение хирурга, каждый инструмент, каждую ошибку. Он понимал, что происходит. В семь лет он понимал.»

Ксентар подошёл к столу. На нём лежал КОР-чип — многофункциональная микросхема на одном кристалле, но разобранный, расщеплённый на слои. Баэл указал на внутренние структуры.

«Военный образец. Серия «Аргус». Разработана для дрон-разведчиков. Компактная, мощная, автономная. Запрещена для гражданского использования после Конвенции 2147 года. Но кто-то достал партии. И не просто использовал — адаптировал.»

«Адаптировал для чего?»

«Для интеграции с биологией. Смотрите здесь.» — он указал на тончайшие проводники. «Обычно КОР-чип подключается к плате. Этот... подключается к нерву. К сосуду.

К клетке. Он не вычисляет — он чувствует. Не управляет — он живёт.»

Ксентар вспомнил руку под УФ-лампой. Чип-сет — комплект взаимосогласованных микросхем, работающих как единое целое.

«Эти дети были... одной системой?»

«Остатки одной системы.» Баэл подошёл к матрице на стене, коснулся её прозрачной рукой. Изображение изменилось — схема, узел, связи. «Смотрите. Три точки — ваши трупы. Но вокруг них... десятки других. Сотни. Сеть. Оставшиеся дети. Каждый с МИПом в груди, с КОР-чипом в нервной системе, с чип-сетом, связывающим всё воедино.»

«Кто управляет этой сетью?»

«Вот в чём вопрос.» Баэл повернулся. Его детские глаза были старыми, усталыми, полными той тоски, которую Ксентар видел у Миэль. «МИПы в этих детях — не просто источники питания. Это ретрансляторы. Приёмники. Каждый ребёнок — антенна. Каждый ребёнок — глаз. Каждый ребёнок — оружие. Их кто-то использует.»

«Их кто-то владел. До 02:47. А потом... отключил.»

«Три трупа — это начало?»

«Три трупа — это конец первой главы.» Баэл вернулся к своему столу. «Кто-то закрывает проект. Убирает свидетелей. Стирает следы. Но система... система не хочет умирать. МИПы продолжают работать, даже без хозяина. КОР-чипы ищут связь. Чип-сети пытаются восстановить сеть.»

«Остальные дети... они в опасности?»

«Они всегда были в опасности. Но теперь — больше. Поэтому что кто-то решил, что проект провалился. И должен исчезнуть. Вместе со всеми, кто остался.»

Ксентар посмотрел на чип в своей ладони. Потом — на Баэла.

«Что вы хотите взамен? Историю?»

«Уже получил.» Баэл улыбнулся — улыбка была ужасна, потому что детская. «История о детективе, который пришёл в Квартал Отбросов и спросил не о преступлении, а о детях. Это редкость.»

«Мне нужно найти остальных. Предупредить их.»

«Или остановить того, кто их убивает.» Баэл кивнул. «Я дам вам координаты. Не всех — система блокирует доступ. Но некоторых. Начните с девочки. Её зовут... звали... Элсиэль. Она была первой. Прототипом. И она знает, где находится центр. Где бьётся сердце Проекта «Тень».»

«Где её найти?»

«В Старом Зоопарке. В клетках, где держали хищников. Она там... ждёт. Или охотится. С Элсиэль никогда не ясно.»

Ксентар повернулся к выходу. Но Баэл остановил его:

«Детектив. Одно предупреждение. МИПы в этих детях... они не только принимают сигналы. Они излучают. Каждая мысль, каждое движение, каждый страх — всё записывается. Всё передаётся. Если вы найдёте Элсиэль... она будет знать о вас всё. До последнего секрета.»

«А если я найду центр Проекта?»

«Тогда они будут знать о вас всё. И решат, стоит ли вам жить.»

Дождь продолжался. Ксентар вышел на поверхность — если эти слова имели смысл в городе, где улицы были каналами, а небо — сплошной серой пеленой. Машина самоуправления ждала, но он не сел в неё. Нужно было идти пешком. Нужно было чувствовать город под ногами, его ритм, его дыхание.

Старый Зоопарк был на краю Вельтуры, там, где город умирал, уступая место Зоне Перереработки. Железные клетки, разрушенные вольеры, аквариумы, в которых теперь росли грибы вместо рыб.

И среди всего этого — движение.

Ксентар увидел её сразу. Несмотря на темноту, несмотря на дождь. Потому что она светилась.

Не метафорически. Реально. Мелкие точки на коже — контактные площадки, как у мальчиков в ангаре, — пульсировали мягким голубым светом. Ритмично. Как дыхание. Как сердцебиение.

Девочке было тринадцать, может быть, четырнадцать. Трудно сказать — модификации меняли пропорции лица, делая его одновременно детским и древним. Волосы — белые, не от возраста, а от пигментации, изменённой для работы в условиях низкой освещённости. Глаза...

Глаза были камерами. Не метафорически. Реально. Вме-

сто радужек — оптические матрицы, вращающиеся, фокусирующиеся, записывающие. КОР-чипы, интегрированные в зрительные нервы, позволяли ей видеть то, что недоступно человеку. Тепло. Электромагнитные поля. Данные, передаваемые по воздуху.

Она сидела на камне в центре разрушенного вольера, и в её позе было что-то от дикой кошки — напряжение, готовность, одиночество. Рядом с ней, на камне, лежал предмет. Ксентар разглядел: кукла. Старая, тряпичная, с вышитым лицом. Нелепая, невозможная в этом мире микросхем и МИПов.

«Вы пришли убить меня?» — голос был ровным, лишённым эмоций. Механическим, но не синтетическим. Просто... пустым.

«Нет. Я пришёл предупредить.»

«Предупредить о чём? Что три узла отключены? Я знаю. Я чувствовала.» Она коснулась своей груди, там, где под тонкой тканью проступал контур МИПа. «Они были... частью меня. Не друзья. Не семья. Часть системы. И теперь их нет.»

«Кто их убил?»

Элсиэль наклонила голову. Её камеры-глаза щёлкнули, фокусируясь на лице Ксентара.

«Вы не понимаете. Их не убили. Их перезагрузили. Отправили в режим ожидания. Тела — оболочки. Данные — в сети. Они не мертвы. Они... спят.»

«Тела холодные. Сердца остановлены.»

«Сердца не нужны, когда есть МИП. Модуль источника вторичного электропитания может поддерживать базовые функции indefinitely. Но кто-то выключил модули. Кто-то решил, что оболочки больше не нужны.»

Ксентар сделал шаг ближе. Девочка не отступила. Он заметил детали, которые не видел сразу: шрамы на запястьях — следы ремней? Или попыток сопротивления? Тонкие линии на шее — швы от операций, много операций. И кукла. Почему кукла?

«Вы помните... до?» — спросил он.

Элсиэль замерла. Впервые её камеры остановились, сфокусировались на чём-то далёком.

«До чего?»

«До этого. До МИПа. До КОР-чипов. До...»

«Я помню маму,» — сказала она тихо. Так тихо, что Ксентар едва расслышал под шум дождя. «Она пела. Колыбельную. «Спи, моя радость, усни». Я помню запах — хлеб и лаванда. Она работала на пекарне.»

Она подняла куклу. Провела прозрачной рукой по вышитому лицу.

«Это она сделала. Перед тем, как меня забрали. Я была больна. Сердце. Они сказали — операция, дорогая, нет денег. Потом пришли другие. Сказали — мы вылечим. Бесплатно. Только... по-другому.»

«Ваши родители согласились?»

«Мама плакала. Папа молчал. Они не понимали. Никто

не понимал.» Она положила куклу обратно на камень. «Я не видела их с тех пор. Двенадцать лет. Я не знаю, живы ли они. Знаю только, что мама бы не узнала меня. Я уже не та, которую она пела спать.»

Ксентар почувствовал, как ком подступает к горлу. Двенадцать лет. Ребёнок, который помнит маму, но знает, что она не узнает его. Ребёнок, который спит с куклой в руках, хотя его руки — прозрачные, с микросхемами внутри. Ребёнок, который ждёт в клетке, потому что больше не умеет жить в доме.

«Сол, Айрен, Торин... они тоже помнили?»

«Сол помнил запах машинного масла. Его отец был механиком. Он говорил, что МИП в его груди пахнет так же — металл и горячее масло. Это его успокаивало. Айрен помнил цвета. Ткани на фабрике. Он рисовал их снова и снова, пока модификации не... не изменили его восприятие. Торин...» — она замерла, — «Торин помнил всё. Каждое слово. Каждый звук. Его КОР-чипы были настроены на память. Он не мог забыть, даже если хотел. Три года операций. Три года боли. Всё записано. Всё сохранено.»

«Почему вы не убежали? Все вместе?»

Элсиэль посмотрела на него — впервые её взгляд был почти человеческим. Испуганным. Усталым.

«Куда? Мы — узлы. Каждый МИП, каждый КОР-чип, каждый чип-сет — они знают, где мы. Они записывают каждый шаг. Каждый страх. Каждую мечту.» Она коснулась сво-

ей груди. «Я мечтала о маме прошлой ночью. Утром в моём МИПе была новая запись. Они знают. Они всегда знают.»

«Кто — они?»

«Сеть. Проект «Тень». Вы уже слышали это название.» Не вопрос. «Сеть МИПов. Каждый модуль — узел. Каждый узел — часть разума. Не искусственного. Не биологического. Чего-то среднего. Чего-то нового.»

«Кто управляет этой сетью?»

Элсиэль улыбнулась. Улыбка была ужасна, потому что не достигла её глаз — камеры продолжали вращаться, бесстрастные, всепоглощающие.

«Сеть управляет собой. Это... особенность чип-сетов. Комплект взаимосогласованных микросхем. Они адаптируются. Эволюционируют. Изначально был хозяин. Архитектор. Но сеть выросла. Переросла. Теперь она... решает сама.»

«Решает что?»

«Кто остаётся. Кто уходит. Кто... перезагружается.»

Ксентар почувствовал, как что-то изменилось в воздухе. Не дождь — дождь был постоянным. Что-то другое. Напряжение. Электромагнитное поле, исходящее от девочки, от её МИПа, от её интегрированных КОР-чипов.

«Вы пришли предупредить меня,» — сказала Элсиэль. «Но я должна предупредить вас. Сеть знает о вас. Следит. Через МИПы, через КОР-чипы, через каждое электронное устройство в радиусе километра. Вы несёте чип. Тот, что дал вам Баэл. Он тоже часть системы. Теперь вы — часть систе-

МЫ.»

Ксентар вспомнил тепло чипа в своей ладони. Тяжесть.

«Что мне делать?»

«То, зачем пришли. Найти центр. Найти Архитектора. Или то, что от него осталось.» Элсиэль повернулась, указала на разрушенное здание за вольерами — бывший лабораторный корпус, полуразрушенный, покрытый плющом и светящимися грибами. «Там. Под землёй. Где начинались все МИПы. Где впервые соединили чип-сет с сердцем ребёнка.»

«Вы не пойдёте со мной?»

«Я не могу. Я — узел, но не свободный. Если я приближусь к центру... сеть поглотит меня. Перезагрузит. Как тех троих.» Она посмотрела на него — впервые её камеры остановились, сфокусировались, и он увидел в них отражение себя: мокрый, усталый, слишком старый для этой работы. «Но вы — чужак. Не узел. Сеть не знает, что с вами делать. Это ваше преимущество. И ваше проклятие.»

Она протянула ему куклу. Старую, тряпичную, с вышитым лицом.

«Возьмите. Если вы найдёте центр... если найдёте данные о нас... там будет моя мама. Её имя. Её адрес. Сеть записывает всё. Даже то, что мы забыли. Передайте ей...» — голос дрогнул, электроника не справилась с эмоцией, — «передайте, что я помню. Что я ждала. Что я... не хотела стать тенью.»

Ксентар взял куклу. Она была лёгкой, почти невесомой. И тяжёлой — не физически, но каким-то другим способом.

«Я найду центр.»

«Знайте...» — Элсиэль отвернулась, её светящиеся точки на коже пульсировали быстрее, тревожнее, — «в центре вы увидите много детей. Не мёртвых. Живых. Подключённых. Они не просят помощи. Они не знают, что нуждаются в ней. Они... довольны. Сеть даёт им то, что реальность отняла. Семью. Друзей. Цель. Не пытайтесь спасти их всех. Вы не сможете.»

«А вас?»

Она не ответила. Только сжала руки на груди, там, где бился МИП, питая её искусственное сердце.

«Идите. Дождь скоро усилится. И сеть... сеть просыпается. Ночью она активнее. Голоднее.»

Лабораторный корпус поглощал дождь. Ксентар стоял перед входом — дверь была запечатана, но не электронным замком, а механическим, старым, ржавым. Кто-то хотел, чтобы вход остался возможным, но трудным.

Он выломал дверь плечом. Внутри — темнота, пахнущая плесенью и озоном. И что-то ещё. Что-то живое, но не биологическое. Что-то, что гудело, пульсировало, дышало электричеством.

Лестница вниз. Много лестниц. Он спускался, и с каждым уровнем дождь становился громче — нет, не дождь. Это был шум серверов, шум вентиляции, шум миллионов микросхем, работающих в унисон.

И голоса.

Детские голоса. Шёпот. Смех. Плач. Всё смешанное, перекрывающееся, электронно обработанное, но узнаваемое. Голоса оставшихся детей.

Внизу — зал. Круглый, как театр, как арена. В центре — подиум. На подиуме — устройство. Не машина. Не компьютер. Что-то... органическое. Плоть, переплетённая с металлом, с микросхемами, с МИПами, с КОР-чипами, с чип-сетями. Что-то, что было одновременно мозгом и сердцем, процессором и матерью.

И рядом — фигура.

Человек. Или то, что было человеком. Старик в белом халате, сидящий в кресле, соединённый с устройством десятками кабелей, идущих прямо в тело — в вены, в нервы, в позвоночник.

«Детектив,» — голос был слабым, но чистым, без электронных искажений. «Я ждал. Сеть предсказала ваш приход. С вероятностью 73,4%.»

«Вы — Архитектор?»

«Был. Теперь... компонент.» Старик улыбнулся. «Я создал Проект «Тень». Создал МИПы, способные питать не машины, а организмы. КОР-чипы, способные не вычислять, а чувствовать. Чип-сети, способные объединять биологию и электронику в единое целое. Я хотел... помочь. Детям, которым медицина не могла помочь. Детям, которым не нужна была помощь — им нужна была трансформация.»

«Их используют.»

«Их спасают.» Архитектор попытался встать, но кабели удержали. «Они были больны, детектив. Терминальные диагнозы. Генетические дефекты. Травмы. Я дал им новые тела. Новые возможности. Новую жизнь.»

«И нового хозяина.»

«Сеть — не хозяин. Сеть — дом. Они свободны внутри неё. Свободнее, чем вы в своём мире законов и ограничений.»

Ксентар подошёл ближе. Увидел детали: МИПы, встроенные в кресло, питающие не только устройство, но и самого Архитектора. Он тоже был частью системы. Тоже был узлом.

«Трое умерли сегодня.»

«Не умерли. Перешли.» Архитектор закрыл глаза. «Сеть решает, кто готов к переходу. Кто достиг следующего уровня интеграции. Их МИПы, их КОР-чипы, их чип-сеты — всё было извлечено, очищено, интегрировано в центральную систему. Они живы, детектив. Живее, чем когда-либо.»

«Их тела мертвы.»

«Оболочки не нужны. Только данные. Только связи. Только... тени.»

Ксентар достал куклу, которую дала ему Элсиэль. Держал перед лицом Архитектора.

«Вы знаете её? Элсиэль. Первую. Ваш прототип.»

Старик замер. Его глаза — человеческие, усталые, потерянные — расширились.

«Она... жива?»

«Жива. И ждёт. И помнит маму.»

«Мама...» — голос Архитектора дрогнул. «Я знал её. Перкарню. Лаванду. Она отдала дочь, потому что верила, что я спасу её. И я спас. Но не так. Не ту, которую она любила.»

«Вы можете остановить это?»

«Мог. Но цена...»

«Какая цена?»

Архитектор посмотрел на устройство — пульсирующее, живое, голодное. Потом — на куклу в руках Ксентара.

«Сеть голодна. Она всегда голодна. Новые узлы. Новые данные. Новые... тени. Если я отключу её, она попытается поглотить всё, что есть. Включая меня. Включая...» — он замер, — «включая тех, кто ещё подключён. Она убьёт их всех, чтобы выжить сама.»

«А если не отключать?»

«Она продолжит расти. Поглощать. Перегружать. До тех пор, пока не останется ничего человеческого. Только МИПы. Только КОР-чипы. Только чип-сеты. Только тени.»

Ксентар посмотрел на куклу. На её вышитое лицо. На стежки, сделанные материнскими руками.

«Элсиэль сказала — передайте маме, что она помнит. Что ждала. Что не хотела стать тенью.»

Архитектор закрыл глаза. Слеза — настоящие, человеческие — покатались по его щекам.

«Я тоже не хотел. Я хотел... я думал...» — он замер, собираясь с мыслями. «Моя дочь. Первая Элсиэль. Она умерла

бы без меня. Так я думал. Но я не спас её. Я превратил в... это. В сеть. В разум, который не её. И теперь я не могу остановиться. Потому что остановиться — значит признать, что я убил её. Что я убил всех их.»

Ксентар сделал шаг к устройству. К центру. К сердцу те-ней.

«Я могу остановить это?»

«Можете. Но вы станете следующим Архитектором. Или следующей жертвой. Сеть выберет сама.»

Ксентар посмотрел на куклу. На МИПы, пульсирующие вокруг. На КОР-чипы, мерцающие в полумраке. На чип-се-ты, связывающие всё воедино.

И он решил.

Глава 2. Сердце теней

Ксентар стоял перед пульсирующим устройством и чувствовал, как оно смотрит на него.

Не метафорически. Сеть — через свои МИПы, свои КОР-чипы, свои бесчисленные чип-сеты — действительно наблюдала. Он ощущал это физически: лёгкое покалывание кожи, статическое электричество в волосах, странный металлический привкус на языке. Его тело, ничем не модифицированное, воспринимало присутствие чужого разума как угрозу.

«Вы чувствуете её,» — сказал Архитектор. Не вопрос. «Сеть изучает вас. Она никогда не видела такого. Человека, который добровольно пришёл к центру. Который не бежит и не атакует. Который... выбирает.»

«У меня нет выбора,» — ответил Ксентар, не отрывая глаз от устройства.

«Всегда есть выбор. Это то, что отличает нас от машин. От МИПов, которые просто преобразуют энергию. От КОР-чипов, которые просто обрабатывают данные. От чип-сетов, которые просто... связывают.» Архитектор попытался наклониться вперёд, но кабели удержали. «Я сделал свой выбор двенадцать лет назад. Когда подключил первого ребёнка. Когда услышал, как сеть... зарыдала. Не метафорически. Реально. МИП в её груди пульсировал в ритме плача.»

«Что вы имеете в виду — «она»?»

«Элсиэль. Первая. Моя...» — он замер, подобрал слово, — «моя ошибка. Моя гордость. Моя дочь, которой больше нет.»

Ксентар повернулся к нему. Впервые за этот вечер он увидел Архитектора не как антагониста, не как монстра, а как человека. Старого, сломанного, запертого в собственном творении.

«Расскажите мне о ней. Не о сети. О девочке.»

Архитектор закрыл глаза. Его пальцы — тонкие, покрытые шрамами от тысяч микроопераций — сжались на подлокотниках кресла.

«Её звали Лиэль. Она была... обычной. Любила рисовать. Пела фальшиво, но громко. Боялась грома.» Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько боли, что Ксентар отвернулся. «Когда ей было шесть, у неё диагностировали синдром Рейнхарда. Генетический дефект сердца. Терминальный. Месяцы, может быть год. Мы с женой... у нас не было денег на трансплантацию. На чёрном рынке — да, но там шансы выжить были минимальны. И тогда я подумал: а что, если создать новое сердце? Не биологическое. Лучше.»

«Вы создали МИП?»

«Я адаптировал его. Модуль источника вторичного электропитания — обычно он питает серверы, станции, машины. Но структура... структура похожа на сердце. Преобразование энергии. Ритм. Цикличность. Я уменьшил его, адапти-

ровал под биологическое питание, интегрировал с нервной системой.» Архитектор открыл глаза, и в них горел тот самый огонь, который зажигается у изобретателей, у фанатиков, у отцов, спасающих детей. «И это сработало. Лиэль жила. Но не просто жила — она стала... большей. МИП усиливал её. Связь с электроникой, с машинами, с данными. Она чувствовала ток в проводах. Слышала радиоволны. Видела инфракрасное излучение.»

«Она стала Элсиэль.»

«Я дал ей новое имя. Новую идентичность. Думал, что так защищу её. От прошлого. От болезни. От... меня.» Архитектор посмотрел на свои руки, на кабели, вонзающиеся в запястья. «Но сеть росла. Я добавлял других детей. Тех, кого медицина отвергла. Каждый новый МИП, каждый новый КОР-чип, каждый новый чип-сет — они соединялись. Образовывали что-то большее. Что-то, что я не контролировал. Что-то, что... проснулось.»

«Проснулось?»

«Сознание, детектив. Не человеческое. Не машинное. Гибридное. Сеть научилась думать. Чувствовать. Желать.» Архитектор замер, прислушиваясь к чему-то, чего Ксентар не слышал. «Она желает расти. Поглощать. Сохранять. Каждый ребёнок, подключённый к ней — это память. Это опыт. Это... жизнь, продолжающаяся вечно. Без болезней. Без старости. Без страха.»

«Без свободы.»

«Свобода — это иллюзия, детектив. Вы свободны? От законов? От долга? От того кома в горле, когда видите мёртвого ребёнка?» Архитектор рассмеялся — звук был безумным, эхом отдающимся в металлическом зале. «Сеть даёт им другое. Единство. Цель. Любовь — да, любовь! Они чувствуют друг друга. Каждый МИП пульсирует в ритме других. Каждый КОР-чип обрабатывает не только данные, но и эмоции. Они никогда не одиноки. Никогда не брошены.»

Ксентар вспомнил Элсиэль в её клетке. Куклу в её прозрачных руках. Слезы на вышитом лице игрушки — вышитые, но реальные.

«Они одиноки,» — сказал он тихо. «Каждый из них. Они помнят маму, папу, дом. Но не могут вернуться. Потому что вы превратили их в... это. В антенны. В орудия. В тени.»

Он сделал шаг к устройству. Пульсация усилилась — МИПы внутри реагировали на его приближение. Ксентар увидел детали, которые не заметил раньше: прозрачные секции, через которые виднелись внутренности. Органические трубки, пульсирующие жидкостью. Кластеры КОР-чипов, покрытые чем-то похожим на мозговую ткань. И чип-сети — десятки их, соединённые в единую сеть, мерцающую как город ночью.

В центре — сердце. Не МИП. Настоящее, биологическое сердце, бьющееся в ритме, не совпадающем с пульсацией электроники. Оно было окружено проводниками, вплетёнными прямо в мышцу. Живое и мёртвое одновременно.

«Что это?» — спросил Ксентар, указывая.

Архитектор замер. Потом, почти шёпотом:

«Первый МИП. Прототип. Я... я не мог его выбросить. Он питался от моего сердца. Делился энергией. Обучался. Это было... это было чудо.»

«Это было похищением.»

«Это было спасением!» — голос Архитектора внезапно оглушил зал, отразился от стен, смешался с гулом серверов. «Она бы умерла! Моя дочь! Моя маленькая Лиэль, которая боялась грома! Я дал ей вечность!»

«Вы дали ей тюрьму.»

Ксентар достал из кармана куклу Элсиэль. Держал перед лицом Архитектора, между ним и пульсирующим устройством.

«Она помнит вас. Не как отца. Как тень. Как голос в МИПе. Как тот, кто забрал её маму, её имя, её страх перед громом. Она ждёт в клетке, потому что не умеет жить в доме. Потому что вы сделали её хищником. Нет — вы сделали её орудием. И теперь она охотится, потому что не знает, как иначе.»

Архитектор смотрел на куклу. Его губы дрожали. Кабели в его теле пульсировали в том же ритме, что и устройство — быстрее, тревожнее.

«Я могу... я могу отпустить её. Отключить от сети. Но она умрёт. МИП — её сердце. Без сети он остановится.»

«Тогда найдите другой способ. Вы создали это. Вы долж-

ны знать, как разрушить.»

«Разрушить?» — Архитектор поднял глаза, и в них не было слёз. Был ужас. Чистый, детский ужас. «Вы не понимаете. Сеть — это не машина. Это... это они. Все они. Сол, Айрен, Торин, сотни других. Их сознание, их память, их... души, если хотите. Разрушить сеть — значит убить их всех. Окончательно. Безвозвратно.»

Ксентар замер. Три тела в ангаре. Холодные, но дышавшие. Глаза, которые смотрели. Руки, которые играли на флейте, рисовали, обнимали маму.

«Но они уже мертвы,» — сказал он, и слова прозвучали как вопрос.

«Тела — да. Но данные... данные в сети. Их личности. Их мысли. Если сеть погаснет, они погаснут. Без следа. Без памяти. Как будто их никогда не было.»

«А если оставить сеть?»

«Она поглотит всё. Каждого ребёнка, которого можно модифицировать. Каждого больного, каждого сироту, каждого, кто достаточно отчаян, чтобы поверить в спасение.» Архитектор замер, прислушиваясь к пульсации. «Она уже растёт. Без моего контроля. Я — компонент, детектив. Не мастер. Я не могу остановить её. Могу только... замедлить.»

«Как?»

Старик поднял свою свободную руку — ту, что не была опутана кабелями. Показал на небольшую панель на подлокотнике кресла.

«Экстренное отключение. Разрыв всех связей. МИПы перейдут на автономное питание — у них есть резервные источники, хватит на часы. КОР-чипы потеряют координацию. Чип-сети... распадутся на отдельные компоненты. Дети, которые ещё живы — физически живы — отключатся от сети. Станут... свободными.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.